

Ритмическое представление текста в сравнительных стиховедческих исследованиях

Conceptions of rhythmical structure in comparative studies of verse

Evgeny Kazartsev¹ (Евгений Вячеславович Казарцев)

Published online: 20 April 2018
© Springer Science+Business Media B.V., part of Springer Nature 2018

Аннотация Статья посвящена формированию акцентного представления стихотворных текстов на тех языках, где сложилась метрическая, прежде всего, силлабо-тоническая версификация. Речь идет об учете реально ощутимых ударений в стихе и о создании правил анализа ритмообразующих единиц метрически организованной речи. Эти правила претендуют на определенную универсальность и могут быть использованы в сравнительных исследованиях стихотворной ритмики на материале разных языков.

Abstract This article is concerned with conceptualizing the stress patterns of poetic texts in languages which developed metrical and, most of all, syllabo-tonic versification. This entails accounting for the actually-felt stresses within a verse, as well as formulating the systematic rules for describing the rhythm-engendering metrical units that structure poetic speech. These rules aim towards a definite universality and can be applied to the comparative study of poetic rhythm in texts from different languages.

1 Введение

Вопросы акцентуации в исследованиях русского языка занимают особое место, образуя богатую традицию (см. работы Зализняк 2010; Златоустова 1956, 1985; Лефельдт 2010; и др.). Тем не менее, сугубо лингвистические исследования, к сожалению, мало пересекаются с теми, которые хоть и не часто, но довольно последовательно проводят стиховеды. При этом фонетисты и специалисты по русской акцентологии достаточно редко принимают в расчет условия стиха, исключение составляют лишь некоторые работы (Златоустова 1985). Нам представляется, что учет метрического контекста важен, ведь поведение того или иного слова или слога в стихотворной речи может дать важную информацию о его акцентном статусе.

Исследование поддержано Российским Научным Фондом, проект № 16-18-10250.

✉ E. Kazartsev
kazar@list.ru

¹ Nacional'nyj issledovatel'skij universitet 'Vysšaja škola èkonomiki', Saint Petersburg, Russia

Надо сказать, что в отечественной стиховедческой литературе сравнительно редко поднимался вопрос об акцентной интерпретации ритмообразующих единиц. Тем не менее, для стиховедов этот вопрос всегда был одним из ключевых. В данном направлении сделаны важные наблюдения и разработаны концепции анализа ритмообразующих элементов текста (см. работы Жирмунский 1975; Гаспаров 1974; Колмогоров и Прохоров 1985; и др.). Но несмотря на это, в полной мере проблема акцентного представления стиха и прозы до сих пор так и не решена. Трудности во многом вызваны нечетким разграничением морфологических, текстовых и метрических условий. Нерешенной задачей остается также разработка правил системного учета выделяющих параметров метрических позиций. Пока еще нет универсальных правил, позволяющих адекватно и точно оценивать акцентный статус того или иного слова, той или иной ритмической единицы, что, безусловно, сказывается на расхождении в статистических подсчетах. Поэтому, к сожалению, нередко ученые в отношении одних и тех же текстов используют разную статистику.

В целом, русские и славянские стиховедческие работы, к сожалению, редко сопровождаются пояснениями в отношении учета акцентных единиц. В лучшем случае можно найти краткие указания на то, как проводились подсчеты, но эти пояснения, как правило, не складываются в единую систему. В тех немногочисленных работах, где все же есть признаки системного подхода к решению данного вопроса, к сожалению, не всегда присутствует четкая концепция, позволяющая при оценке просодического статуса слова соотнести все уровни его реализации в стихе. В каких-то случаях исследователи руководствовались, в основном, морфологическими параметрами (Жирмунский 1975), в других—прибегали к анализу комбинаторных признаков (Колмогоров и Прохоров 1985). При разметке текста стиховеды вообще достаточно часто опираются на так называемый индивидуальный 'слуховой подход', соотнесенный «со слуховым подходом прежних исследователей» (Гаспаров 1974, с. 80).

В целом, складывается впечатление, что стиховеды как будто избегают решения этой проблемы, не давая четкого руководства по составлению ритмического представления текста. Поэтому разработка правил системного учета акцентных единиц, приспособленных для наведения статистики, остается до конца нерешенной задачей. В основу формирования таких правил должен быть положен принцип строгого разграничения словарных (морфологических), текстовых (комбинаторных) и метрических условий акцентной характеристики слов и слогов. Причем среди этих условий (уровней) следует установить определенную иерархию.

В данной статье предложен опыт разработки таких правил, а также некоторые рекомендации по оценке акцентных отношений в метрически организованной речи. Эти правила важны для того, чтобы адекватно представлять реально ощутимые на фоне метра ударения и словоразделы и учитывать их при составлении статистики.

Надо признать, что в последние десятилетия 'русский лингво-статистический метод' (Bailey 1979) вышел далеко за рамки сугубо русского стиха. Он все чаще применяется для описания стихосложения на других языках, прежде всего, на тех, которые дали силлабо-тоническую традицию, иногда под влиянием русской поэзии (украинские и белорусские ямбы). Поэтому важно соотнести ту систему правил, которую мы строим для одного языка (например, для русского), с просодическими условиями других языков. Нужно, чтобы, в конце концов, эта система была пригодна для сравнительных исследований стихотворной ритмики. Вопрос о создании такой универсальной системы до сих пор открыт. И хотя просодией стихотворной речи занимаются уже достаточно давно, область компаративной ритмики можно считать еще очень мо-

лодой стиховедческой дисциплиной, которая, прежде всего, требует создания такой единой аналитической системы.¹

2 История вопроса

В конце XIX–первой трети XX века в европейской лингвистике получает развитие особое направление, так называемая просодическая школа (подробнее см. Kazartsev 2016, с. 53), в рамках которой формируются новые подходы для изучения стихотворной речи. К этому направлению можно отнести работы немецких лингвистов: Эдуарда Сиверса, Франца Сарана, Отто Пауля и другие (Sievers 1912; Saran 1907; Paul 1930). В их основе лежит просодическое описание стиха, построенное на классификации ритмообразующих элементов.

Работы ученых данного направления в той или иной мере опирались на классический труд К.-Ф. Морица *Versuch der deutschen Prosodie* (Moritz 1786). Мориц развивал мысль о том, что немецкая версификация в силу ее метричности имеет тенденцию к выделению ‘идей’, т.е. более значимых слов или слогов среди менее значимых. Он (Moritz 1786, с. 125–126), в частности, писал: “Bei uns ist die Poesie nur halb Empfindungssprache, und halb noch Gedankensprache: denn sie giebt nicht allen, sondern nur allen bedeutendern Silben neben den unbedeutendern ein gleiches Interesse [...]. Unsere Poesie hebt jede bedeutendere Silbe vor jeder unbedeutenderen heraus.” ‘Поэзия у нас является только наполовину языком чувств, а наполовину—языком мысли: так как она придает одинаковое значение не всем, а только всем более значимым слогам наряду с менее значимыми [...]. Наша поэзия выделяет каждый более значимый слог перед каждым менее значимым’.

Безусловной заслугой данного направления является то, что немецкие исследователи стиха первой половины XX в., из которых почти все были лингвистами, впервые сформировали принципы классификации акцентных единиц (слов и слогов). И хотя у разных авторов эти принципы различались, суть была одна: создание ритмического представления текста на основе многоуровневой акцентной шкалы. Каждый ее уровень соответствовал определенному ритмическому классу, за которым стояла та или иная степень силы акцентной выделенности.

Основываясь на разработках немецких ученых, в середине 1920-х годов В. М. Жирмунский (1975, с. 80–115) впервые создал аналогичную акцентную классификацию для русского языка и стиха. Эта классификация, конечно, также имела уровневую систему. При этом предпочтение отводилось словарю. В целом, идея разных уровней, идущая от немецких лингвистов, не была воспринята Жирмунским в той мере, в которой она развивалась в рамках просодической школы. Русский ученый сконцентрировал свое внимание, прежде всего, на морфологии, он отдавал предпочтение, скорее языковым, нежели речевым показателям—акцентный статус слова определялся, в основном, по словарю, на основании морфологических показателей. В результате было предложено различать слова трех категорий:

1. безусловно ударные;
2. безусловно неударные;
3. метрически двойственные.

¹В данной статье развиваются некоторые идеи по формированию универсальных принципов ритмического анализа стиха и прозы, высказанные нами в Казарцев (2017).

К первой группе Жирмунский (1975, с. 91) относил слова «с полным вещественным значением», ко второй—служебные слова, к третьей—вспомогательные глаголы, междометия, односложные числительные, местоимения и также местоименные наречия и союзы (там же, с. 88, 91–92).

Конечно же, эта классификация в определенной мере была ориентирована на то, какую функцию ритмические слова играют в стихе. Жирмунский показывал, как в слабой метрической позиции двойственные слова атонируются:² «Мой-дядя самых честных правил» (там же, с. 94) и, напротив, на последней позиции стиха, где ритмическое ударение по правилам русской метрики обязательно, такие слова несут ударение. Например: «Домой одеться едет ОН» (там же). Можно сказать, что в основе данной классификации лежит морфологический принцип оценки слов, но с ориентацией на стих.

Из приведенных выше примеров следует, что Жирмунский учитывал метрические параметры. Однако он не считал, что условия метра могут быть тем методическим приемом, который способен дать окончательный ответ об акцентном статусе слова. Кроме того, в его классификации учитывались, например, такие случаи, как синтаксическое обособление слов («ТАК здравая она восторжествоует», там же, с. 97). Очевидно, во многом под влиянием принципов немецкой просодии, где значительную роль играет наличие или отсутствие безударного промежутка между двумя словами (или слогами), Жирмунский рассматривал наличие такого промежутка как выделяющий контекст (*Мой-друг*, но *МОЙ товарищ*). Однако, несмотря на учет некоторых грамматических, позиционных и метрических параметров, классификация акцентных единиц у Жирмунского строилась, прежде всего, на морфологии—взаимодействие разных уровней (словаря, текста и метра) для определения класса ритмических (фонетических) слов³ не рассматривалось как принцип исследования.

Именно эта классификация, основанная на идеях немецкой просодической школы и построенная, в основном, на морфологических признаках, легла в основу дальнейших разработок в этом направлении. До сих пор почти все русские стиховеды при создании ритмического представления текстов опираются на методику Жирмунского.

Следующим описанным в литературе опытом определения ритмических классов слов стала классификация А. Н. Колмогорова и А. В. Прохорова. Она разрабатывалась во второй половине 1960-х и в 1980-е годы. В ней также предлагается разделение слов на три акцентные категории (классы). Однако новизна этого подхода по сравнению с классификацией Жирмунского состоит в том, что категориальный статус ритмического слова определяется не по словарю, а в комбинаторных условиях текста—основным критерием при отнесении слова к одному из трех классов служит отношение подчинения, действующее в тексте (Колмогоров и Прохоров 1985, с. 116). Три класса ритмических слов выделяются в соответствии с тремя классами ударений: безусловно значимые, потенциально значимые и незначимые. Соответственно, различаются слова трех типов: безусловно самостоятельные, потенциально самостоятельные и несамостоятельные.

Эта классификация имеет связь с 'морфологической' классификацией Жирмунского: «Все местоимения, значительную часть наречий с точки зрения классической русской метрики надо считать хотя бы 'потенциально самостоятельными' ритмическими словами. Не самостоятельными с точки зрения классической русской метрики

²Здесь и далее курсивом выделяется, как правило, атонируемое слово или слог. Большие буквы означают, что слово или слог ударны.

³Под ритмическим (фонетическим) словом мы понимаем последовательность слогов, объединенную одним главным ударением: *мой дядя, на руку, знал же* и т.п.

являются предлоги, союзы и частицы» (там же, с. 115–116). Тем не менее, окончательное различие между безусловно и потенциально самостоятельными словами авторы предлагают определять «положением слов в тексте» (там же, с. 120).

Среди условий текста, повышающих акцентный статус слова, Колмогоров и Прохоров выделили так называемое дистанционное подчинение: «ОН уважать себя заставил». Очевидно, что контекст может изменять, повышать или понижать акцентный статус слова. Такое отношение к роли текста, по-видимому, имеет связь с исследованиями американского лингвиста Д. Болинджера, который в 1960-е годы предложил различать потенциальный акцент слова (лексическое ударение) и его акцентуацию в реальном тексте (Bolinger 1965, с. 66–83). Также вслед за многими западными лингвистами Колмогоров и Прохоров сделали важное для стиховедения замечание, указав на непрерывность реальной шкалы акцентной интерпретации слов.

3 Метрический контекст и классы акцентных единиц

Следует сказать, что в работе Колмогорова и Прохорова (1985) основное внимание уделено условиям русского классического, преимущественно силлабо-тонического, стиха, который имеет твердую ритмическую традицию, благодаря чему стихотворная речь помогает выделять ритмические классы слов (там же, с. 116).

Такой подход предполагает регулярность использования ритмических слов каждого класса относительно определенной метрической позиции. Развивая эту идею, мы приходим к тому, что слабую (W) или сильную (S) метрическую позицию можно считать определителем, своего рода 'лакмусовой бумажкой', способной четко показать, к какому просодическому классу относится та или иная ритмическая единица в том или ином контексте. В этом случае именно метр становится самым важным уровнем, определяющим степень акцентной выделенности слова. На основе такого подхода автором этой статьи были ранее предложены некоторые правила учета акцентных единиц для немецкого стиха (Kasartsev 2002, с. 415–418).

Можно предполагать, что в разных языках, на которых сложилась метрическая версификация, основанная на противопоставлении W- и S-позиций, стихотворный контекст может служить экспериментальным полем для формирования классификации ритмических слов. В соответствии с тем, как ведет себя слово на слабой и/или сильной позиции, можно судить о его принадлежности к тому или иному классу, самостоятельных, потенциально самостоятельных или несамостоятельных слов.

Например, если слово безударно как на W-, так и на S-позиции, то, скорее всего, оно является несамостоятельным словом (про- или энклитика). И наоборот, если слово ударно в любой метрической позиции стиха, то есть даже на W-позиции, вероятнее всего, оно безусловно самостоятельно.

Таким образом, мы полагаем, что в языках, на которых существует метрическое (в частности, силлабо-тоническое) стихосложение (английском, нидерландском, немецком, русском, украинском, белорусском и т.п.), метрическая позиция может служить определителем просодического статуса акцентных единиц (слов или слов). При этом морфологический класс (категория) и контекст употребления той или иной единицы служат лишь предварительным указанием на ее ритмический потенциал, который в полной мере раскрывается лишь в метрических условиях стиха.

Безусловно, морфологическая категория—важный фактор, своего рода базовый признак для определения акцентного статуса слова. Однако данный признак, по-видимому, недостаточен. На основании только его одного не всегда можно предугадать, как слово поведет себя в условиях прозаического или метрического контекста.

Контекстуальная позиция, например, дистанционное подчинение (дистактность), также является фактором, влияющим на акцентный статус. Тем не менее, окончательное решение о степени акцентной выделенности слова в том или ином контексте, очевидно, следует принимать лишь в условиях метра. Например, если текст выделяет какое-то 'морфологически слабое' слово настолько сильно, что оно становится ударным даже на W-позиции стиха, тогда это слово в данном случае можно считать самостоятельным.

Например, морфологический статус английского односложного слова *great* сам по себе достаточно высок, это прилагательное, полнозначное слово, к тому же стилистически и семантически 'яркое'. Но всегда ли самостоятельно это слово в стихе? Рассмотрим его употребление в искусственно созданном метрическом контексте:

- (1) I read the poems, in English made.
 I love *great* stories because they are great!
 W S W S W S W W S

Во второй строке слово *great* реализуется дважды, в первом случае на слабой, во втором—на сильной позиции (в конце строки). Понятно, что во втором случае оно ударно. Но ударно ли оно в первом? Если сравнить эту позицию во второй строке с аналогичной позицией в первой, которую занимает артикль *the*, то разница очевидна: *the poems* представляет собой единое ритмическое слово, в то время как *great stories*, скорее всего, распадается на два слова *great* и *stories*. Эксперимент, проведенный с участием 10 носителей английского языка, подтверждает это. Оказывается, что *great* и в первом его употреблении на слабой позиции практически не атонируется: в 10 случаях из десяти носители языка ударяют его на этой позиции, хотя и слабее, чем следующее за ним *stories*, но граница между этими словами (т.е. словораздел) вполне ощутима, в отличие от артикля в *the poems*. Следовательно, на слабой позиции стиха исследуемое нами слово ударно, значит оно безусловно самостоятельно. Рассмотрим употребление другой словоформы данного слова в стихотворении Дж. Донна:

- (2) From Heidelberg, thou longed'st to see; and thou
 This book, *greater* than all, producest now.⁴
 W S W S W S W S W S (Donne 1971, с. 173)

Стихотворение написано 5-стопным ямбом. В этом метрическом контексте встречается сравнительная степень того же прилагательного, только это уже двусложное слово *greater*, которое попадает ударным слогом на слабую по метру позицию, но и в этом случае его ударение не исчезает, слово остается ударным, т.е. сохраняет свою просодическую самостоятельность. Таким образом, есть основание признать, что, очевидно, слово *great* и его дериваты, в целом, являются ритмически самостоятельными словами.

В целом, прилагательные, как правило, являются ритмически самостоятельными единицами. Но как быть, например, с глаголами, выполняющими роль связки, такими как *have / be* в английском, *hebben / zijn* в нидерландском, в немецком *haben / sein*, русскими *иметь* и *быть*, украинскими *мати / бути*? Очевидно, что двусложные глаголы такого рода будут, как правило, ударны, особенно в условиях двусложных метров. Но как поведут себя их односложные формы?

На следующих примерах из нидерландской поэзии видно, что в сильной метрической позиции глагол-связка *zijn* 'быть' несет полноценное ударение. Это особенно отчетливо видно в финальной метрической позиции:

⁴Выходные данные указаны в конце статьи в разделе 'Источники'.

- (3) Bout zijn' triomfboog op twee steden,
Die als ontsloopbre zuilen zijn,
Waar tusschen vlieten Maas en Rijn. (cf. Vondel 1929, с. 282)

Однако на слабой позиции *zijn* атонируется, причем, несмотря на то, что находящаяся за ним сильная позиция безударна:

- (4) Van allen vlekken, steên en dorpen,
Die haar gebied *zijn onderworpen*. . . (cf. Vondel 1929, с. 280)

В данном случае *zijn onderwórcpen* представляет собой единое 5-сложное ритмическое слово с ударением на 4-м слоге. Таким образом, интересующий нас глагол ударяется на сильной и атонируется на слабой метрической позиции, соответственно, он ведет себя как метрически двойственное слово. Сравнительный анализ показывает, что во всех исследуемых языках: английском, немецком, нидерландском, русском, белорусском и украинском,—соответствующий глагол ведет себя именно таким образом. Сравним следующие строки из двух немецких од, посвященных принцу Евгению Савойскому:

- (5) 1.
Eugen *ist* todt! Eugen der Held!
O harte Post in tausend Ohren! (Gottsched 1968, с. 154)

2.
Carl íst allein geschickt und werth,⁵
Getreue Dienste zu belohnen . . . (Günther 1935, с. 141)

В первом случае *ist*, форма глагола-связки *sein* 'быть', ритмически немаркирована ввиду слабой позиции, во втором случае *ist* занимает сильную позицию и несет ударение.

В русском стихе глаголы-связки ведут себя точно так же. Сравним два отрывка из поэмы *Медный всадник* А. С. Пушкина:

- (6) 1.
И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов *был* челн—и наконец
Достиг он берега. Несчастный
Знакомой улицей бежит . . . (Пушкин 1977, с. 283)

2.
О чем же думал он? о том,
Что б^ыл он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь . . . (ibid., с. 278)

В первом отрывке глагол-связка *был* употребляется на слабой метрической позиции и практически атонируется, во втором—этот глагол встречается дважды и оба

⁵Здесь и далее сохранена орфография источника.

раза на сильном месте, из-за чего его акцентный статус повышается, слово становится ударным и самостоятельным. Рассмотрим ранние украинские ямбы, написанные И. П. Котляревским (поэма *Энеида*). Здесь та же картина: связка *був* в первом случае на W-позиции не несет ударения, во втором—на S-позиции приобретает ударность:

- (7) 1.
 Еней *був* паробок моторный
 И хлопець хоть куды козак... (Котляревський 1948, с. 11)

2.
 Еней болячка *був* Юноні,
 Як жорна сердце їй давив ...⁶

Таким образом, вопрос с подобного рода словами, особенно односложными, можно считать решенным: очевидно, глаголы-связки в разных языках следует рассматривать как потенциально самостоятельные слова, которые самостоятельны лишь в S-позиции, в W-позиции они теряют самостоятельность и становятся клитиками. Следующая проблема—односложные наречия, местоимения, числительные, частицы, союзы и предлоги.

Исследование показывает, что практически во всех языках, которые используют метрическое (преимущественно, силлабо-тоническое) стихосложение, подобные местоимения ведут себя также как потенциально значимые (двойственные) слова, они ударны на сильных по метру позициях и безударны на слабых, как например, местоимение *mich* 'меня' в следующих двух отрывках из Гюнтера:

- (8) Braucht, tapfren Sieger, braucht das Heft
 In Gegenwart so seltner Zeugen,
 Die, wo *mich* nur kein Blendwerk äft, [...].
 W S W S W S W S (Günther 1935, с. 130)

- (9) In Carls Person und Ruhm verlieben, [...]
 So glücklich hastu *mich* vertrieben. [11]
 W S W S W S W S W S (Günther 1935, с. 134)

В стихотворении Г.-А. Бекера, посвященном русской императрице Елизавете, местоимения *dir* 'тебе' и *dich* 'тебя' встречаются на разных позициях: первое—на слабой и безударно, оно присоединяется в качестве энклитики к слову *winckt*, а второе—на сильной и ударно:

- (10) Sie winckt *Dir* selber deutlich zu
 Und will der Welt ein Wunder zeigen,
 Drum läst sie *Dich* in voller Ruh
 Des Grossen Vaters Tron besteigen. (Becker 1741)

Таким же образом ведет себя русское местоимение *я* в условиях стиха, см. примеры из *Евгения Онегина*:

- (11) Хоть и заглядывал я встарь
 В Академический словарь. (Пушкин 1978, с. 17)
- (12) А вижу я, винюсь пред вами,
 Что уж и так мой бедный слог ... (ibid.)

⁶<http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Lit/K/KotljarevskyI/Eneida1798/1.html>.

В первом отрывке оно попадает на слабую позицию и атонируется, присоединяясь к слову *заглядывал*, в качестве энклитики, а во втором—на сильную и приобретает ударение, т.е. становится самостоятельным.

В белорусской поэзии, которая заимствовала силлабо-тонику из русского стиха, местоимения ведут себя таким же образом, приобретают ударение в S- и атонируются на W-позиции, см. примеры из стихотворения *Дом* Д. Е. Астапенко:

- (13) Я зноў спакойны. Нада мной
Той самы свет, якім быў зроблен.
Сад пахне даўнаю вясной,
Ўсе дрэвы ў шуме звонкіх кропляў.

З героямі маіх паэм
Цяпер ніколі я не ладжу...
Яны супроць адменных тэм...
... Ўвесь повен сад глухога плачу.

(Астапенко 2005, с. 41)

Что же касается односложных числительных, то можно с уверенностью сказать, что их тоже следует причислить к классу потенциальных слов, они, также как и местоимения, практически всегда ударны на сильных и безударны на слабых метрических позициях, как в следующих строках пушкинской поэмы:

- (14) Давал *три* бала ежегодно
И промотался наконец. (Пушкин 1978, с. 9)
- (15) Он *три* часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил [...]. (ibid., с. 17)

То же относится и к междометиям. Например, междометие *ах* безударно на слабой и явно ударно на сильной позиции в стихах:

- (16) Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
Где мнете вешние цветы? (ibid., с.19)
- (17) И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь;
Татьяна ах! а он реветь [...]. (ibid, с. 90)

Сложнее обстоит дело с односложными наречиями, некоторые из которых явно претендуют на полнозначную просодическую функцию. Например, наречие *здесь* оказывается ударным независимо от метрической позиции:

- (18) Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд [...].
W S W S WS W S (ibid., с. 17)
- (19) И в шалаше и крик, и шум;
Медведь промолвил: «Здесь мой кум: [...].»
W S W S W S (ibid., с. 92)

То же самое происходит и в английском, и в нидерландском, и в немецком, и в украинском стихе, наречие *here* или *hier* (укр. *тут*) будет ударно во всех случаях, даже в слабой по метру позиции, как например, в этом отрывке из Гюнтера:

слов по отношению к метру. Например, как мы уже знаем, дистактное подчинение почти всегда усиливает акцентуацию. Анализ соотношения этого условия в тексте с условиями метра показал, что дистактное подчинение потенциально самостоятельно по словарю слова может обнаружить его более высокий статус. Рассмотрим один из примеров дистактного подчинения односложных местоимений, например, слова *он* в прозе: «*Он*, попросту говоря, весь свой значительный капитал в короткий срок промотал». Выше мы говорили, что все односложные местоимения—ритмически потенциальные, двойственные, слова. Однако в этом случае акцентная выделенность местоимения сохраняется в стихе даже на метрически слабой позиции:

- (28) Родясь полуаристократом
 Немного с левой стороны,—
 Он, говоря витиеватым
 Казенным слогом, в дни весны,
 Хандрою мучась беспощадной,
 Свой миллионный капитал
 В четыре года промотал ... (Григорьев 1846)

Приведенный метрический контекст показывает, что дистактное подчинение существенно повышает статус односложного потенциального слова, в этом контексте местоимение *он* уже не потенциальное, по отношению к метру оно безусловно самостоятельное слово. Очевидно, то же самое происходит и в других языках. Так, например, в немецком стихе, в предпоследней строке приведенного ниже отрывка, дважды встречается односложное личное местоимение *er*, аналогичное русскому *он*. В первом случае оно попадает на слабое место, во втором—на сильное. Понятно, что последнее *er* ударно из-за S-позиции, но и первое в силу достаточно большого отрыва от глагола приобретает ударение:

- (29) Dorindchen hat noch nicht vor dem Galenus Ruh;
 Der wäre gestern bald vor Zorn ums Leben kommen,
 Weil wir ihm die Musick vom Tanze weggenommen,
 Aus Ursach, daß er uns, da er in Schwenckfeld war,
 Durch seinen groben Stolz den grösten Schmerz gebahr. (Günther 1934, с. 17)

Очевидно, отрыв личного местоимения в функции субъекта от предиката (даже грамматически оправданный) следует рассматривать как выделяющий параметр: местоимение, находящееся в такой позиции, как правило, ударяется с большей силой. Однако есть условия, ограничивающие выделяющую способность дистактности. Рассмотрим следующее предложение: «Нам в голову не приходило оставить его одного дома». Здесь дополнение *нам* (односложное местоимение) оторвано от глагола, но дистактность оказывается мнимой, поскольку местоимение подчиняется всему устойчивому сочетанию *в голову не приходило*. В этом случае местоимение остается потенциально самостоятельным по отношению к метру, т.к. на слабой позиции оно атонируется:

- (30) Мы знали хорошо его,
 Нам в голову не приходило
 Его оставить одного.

Подстановка в стих позволяет выявить акцентный статус слова. В целом, система трехуровневой экспликации просодической выделенности 'словарь–текст–метр' мо-

слов по отношению к метру. Например, как мы уже знаем, дистактное подчинение почти всегда усиливает акцентуацию. Анализ соотношения этого условия в тексте с условиями метра показал, что дистактное подчинение потенциально самостоятельно по словарю слова может обнаружить его более высокий статус. Рассмотрим один из примеров дистактного подчинения односложных местоимений, например, слова *он* в прозе: «*Он*, попросту говоря, весь свой значительный капитал в короткий срок промотал». Выше мы говорили, что все односложные местоимения—ритмически потенциальные, двойственные, слова. Однако в этом случае акцентная выделенность местоимения сохраняется в стихе даже на метрически слабой позиции:

- (28) Родясь полуаристократом
 Немного с левой стороны,—
 Он, говоря витиеватым
 Казенным слогом, в дни весны,
 Хандрою мучась беспощадной,
 Свой миллионный капитал
 В четыре года промотал ... (Григорьев 1846)

Приведенный метрический контекст показывает, что дистактное подчинение существенно повышает статус односложного потенциального слова, в этом контексте местоимение *он* уже не потенциальное, по отношению к метру оно безусловно самостоятельное слово. Очевидно, то же самое происходит и в других языках. Так, например, в немецком стихе, в предпоследней строке приведенного ниже отрывка, дважды встречается односложное личное местоимение *er*, аналогичное русскому *он*. В первом случае оно попадает на слабое место, во втором—на сильное. Понятно, что последнее *er* ударно из-за S-позиции, но и первое в силу достаточно большого отрыва от глагола приобретает ударение:

- (29) Dorindchen hat noch nicht vor dem Galenus Ruh;
 Der wäre gestern bald vor Zorn ums Leben kommen,
 Weil wir ihm die Musick vom Tanze weggenommen,
 Aus Ursach, daß er uns, da er in Schwenckfeld war,
 Durch seinen groben Stolz den grösten Schmerz gebahr. (Günther 1934, с. 17)

Очевидно, отрыв личного местоимения в функции субъекта от предиката (даже грамматически оправданный) следует рассматривать как выделяющий параметр: местоимение, находящееся в такой позиции, как правило, ударяется с большей силой. Однако есть условия, ограничивающие выделяющую способность дистактности. Рассмотрим следующее предложение: «Нам в голову не приходило оставить его одного дома». Здесь дополнение *нам* (односложное местоимение) оторвано от глагола, но дистактность оказывается мнимой, поскольку местоимение подчиняется всему устойчивому сочетанию *в голову не приходило*. В этом случае местоимение остается потенциально самостоятельным по отношению к метру, т.к. на слабой позиции оно атонируется:

- (30) Мы знали хорошо его,
Нам в голову не приходило
 Его оставить одного.

Подстановка в стих позволяет выявить акцентный статус слова. В целом, система трехуровневой экспликации просодической выделенности 'словарь–текст–метр' мо-

жет служить методом для определения степени самостоятельности ритмообразующих единиц.⁷

Рассмотрим другие параметры текста, влияющие на акцентный статус слова. Например, эллипсис в повести *Выстрел* (Пушкин 1960, с. 53): «Полковая наша канцелярия бывала полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет». Последние два словоупотребления местоимения *кто* ритмически выделены вследствие эллиптического употребления. Однако является ли такое выделение настолько сильным, что сохранится на слабой метрической позиции? Вот экспериментальный метрический контекст, в котором соблюдена синтаксическая аналогия:

- (31) Сегодня здесь собрался целый свет:
Кто ждал письма, кто денег, кто газет.

Второй случай употребления местоимения содержит эллипсис и расположен на W-позиции—но ударение сохраняется. Следовательно, такой тип эллиптического выделения можно считать грамматическим параметром, при котором потенциально самостоятельное по словарю слово становится безусловно самостоятельным по отношению к метру.

Другой аспект, влияющий на акцентуацию потенциально самостоятельных слов—логическое (или эмфатическое) ударение. В двух различных контекстах, первый произвольный, второй из повести *Выстрел*: 1. «Я опасался встретиться с ним с глазу на глаз, *один я не мог* туда ездить». 2. «Однако ж мало-помалу все было забыто, и Сильвио снова приобрел прежнее свое влияние. *Один я не мог* уже к нему приблизиться» (Пушкин 1960, с. 53). В первом случае местоимение *я* атонируется: оно выступает в качестве энклитики, объединяясь с глаголом в одно ритмическое слово *я-не-мог*. Во втором—на это местоимение падает логическое ударение, поэтому оно выделяется как самостоятельное слово, отделяясь словоразделами с обеих сторон и приобретая ударение: «один | я | не мог уже к нему приблизиться». Любопытно, что данная выделенность в стихе сохраняется лишь частично:

- (32) Все отвернулись от него,
Один я | мог ему помочь.

В этом искусственном стихотворном контексте, аналогичном прозаическому фрагменту, на слабой позиции местоимение *я* теряет ударение, при этом исчезает левый словораздел. Но правый словораздел сохраняется. Он отделяет местоимение от глагола: так что *я* становится энклитикой, объединяясь с предшествующим словом в акцентный комплекс *один-я*. В данном случае, как мы видим, местоимение не сохраняет ритмическую самостоятельность из-за метра, однако логическое выделение сохраняется в большой степени за счет правого словораздела. В результате обнаруживается особое направление просодической связи слова *я*, противоречащее его грамматической связи: ритмически личное местоимение объединяется не с глагольной связкой, а с предшествующим словом, принимающим на себя всю силу эмфатического ударения.

Приведенные примеры показывают, что использование метрических условий может служить опорой при анализе категориального статуса акцентных единиц в условиях контекста. Для решения вопроса об акцентном статусе нужно определить «поведение» слога и/или слова в сильной и в слабой позиции метрической схемы.

⁷ Аналогичный подход был предложен в небольшой работе М. А. Красноперовой и Е. В. Казарцева (см. Красноперова и Казарцев 2001, с. 312).

5 Ритмика двойного союза

Случается, что незначимое по словарю слово может обнаруживать свойства потенциально самостоятельного. К таким словам, например, относятся двойные союзы, в частности, союз *то-то*. По морфологическим показателям он является безусловно несамостоятельным словом, однако его вторая часть в речи может приобретать ударение, например: «Он то верил в себя, то сомневался в своих силах». При этом акцентная выделенность второй части не зависит от контекста, ее ударность обнаруживается вследствие повтора. Встает вопрос: не является ли второе *то* потенциально самостоятельным словом? Рассмотрим случаи метрического употребления этого союза:

- (33) Не плещется вода, как будто к разговорам
 полузаснувших рыб прислушиваясь, и
то льется сквозь меня немеющим задором,
то пальцами грозит глухонемой крови. (Жданов 1978–1991)

В приведенном выше фрагменте на слабой метрической позиции обе части союза безударны, но в сильной позиции второе *то*, очевидно, приобретает ударение:

- (34) Воскрешая, Бог неистов
то разрушил, то отстроит
 павильоны эллинистов ... (Кривулин 1993–1994)

По всей видимости, вторую часть этого двойного союза по отношению к метру можно считать потенциально самостоятельным словом. В целом, приведенные примеры поддерживают справедливость нашей изначальной установки: метр может быть решающим условием для определения просодического статуса той или иной акцентной единицы, слога или слова.

6 Общие правила

Предлагаемые правила оценки акцентных единиц основаны на трехуровневой системе: словарь, текст, метр. На уровне словаря происходит оценка ритмических единиц по морфологическому признаку, на уровне текста—по комбинаторному, на уровне метра—в зависимости от метрической позиции. Исходя из того, что метр может быть ‘лакмусовой бумажкой’ для выявления реальных акцентных отношений в тексте, мы можем сформулировать общие правила, позволяющие провести границы между рассматриваемыми нами типами ритмических единиц.

Для того, чтобы определить, является ли слово безусловно значимым или потенциально значимым, его следует поместить на слабую метрическую позицию стиха. Если в данной позиции его ударение ощущается настолько отчетливо, что атонаирование воспринималось бы как искусственная операция, то слово в данном контексте следует признать безусловно значимым. Для разграничения потенциально значимых и незначимых слов, их также помещают на слабое место стиха. Если ударение оказывается ощутимым настолько, что его пропуск был бы неестественным, то слово считается потенциально значимым, в противном случае—незначимым. Такой подход предполагает, что ритмическая единица может менять свой просодический статус в зависимости от уровня: слово, потенциально значимое по словарю, может быть

безусловно значимым в тексте, а ударение, выделяющее слово в тексте, может сниматься на слабой метрической позиции и т.п. Таким образом, условия текста могут быть экспериментальными по отношению к морфологическим условиям, в свою очередь, метрические условия становятся экспериментальными по отношению к тексту. Для окончательного определения акцентного статуса слова или слога в текстовых условиях требуется создание аналогичного метрического контекста. В спорных случаях именно подстановка в стих позволяет выявить просодический статус той или иной акцентной единицы, в данном вопросе условия метра играют решающую роль. Исходя из этого предлагаются следующие правила оценки акцентного статуса таких ритмообразующих структур, как ритмическое слово и слог:

Правило 1

Если в данных (или аналогичных) текстовых условиях слово или слог ударны на слабой метрической позиции, то такое слово признается безусловно самостоятельным, а такой слог считается безусловно ударным.

Правило 2

Если слово или слог безударны на слабой позиции, но ударны на сильной, такое слово считается потенциально самостоятельным, а слог—потенциально ударным.

Правило 3

Если слово или слог безударны даже на сильном месте метрической схемы, то слово признается безусловно несамостоятельным, а слог безусловно безударным.

При составлении статистики безусловно ударные слоги всегда маркированы, обозначим их знаком 'плюс' (+), безусловно безударные—немаркированы, им соответствует знак 'минус' (–). Потенциально ударные слоги в зависимости от условий текста и/или метра могут быть как маркированными, так и немаркированными. То же самое относится и к ритмическим словам. Таким образом, формируются три класса слов и слогов:

- i. класс 'плюс-плюс' (+ +), в который входят безусловно самостоятельные слова (БС-слова) и безусловно ударные, маркированные слоги (М-слоги);
- ii. класс 'плюс-минус' (+ –), куда включаются потенциально самостоятельные слова (ПС-слова) и потенциально ударные, потенциально маркированные слоги (ПМ-слоги);
- iii. класс 'минус-минус' (– –), к нему относятся безусловно несамостоятельные слова (БН-слова) и безусловно безударные, т.е. немаркированные слоги (Н-слоги).

Как было сказано выше, отношение слова к тому или иному классу выявляется на определенном уровне (словарном, контекстуальном, метрическом). Например, если слово в определенном контексте оказывается просодически выделенным как в сильной, так и в слабой метрической позиции, оно принадлежит к классу '+ +'. В соответствии с правилом 1, для попадания в данный класс достаточно, если слово ударно даже на слабой позиции. Если же слово ударно только в сильной позиции и безударно на слабой, то оно принадлежит к классу '+ –'. Если слово ни в одной метрической позиции не проявляет просодической силы, его следует отнести к классу '– –'. По правилу 3 для этого достаточно, если слово оказывается безударным даже в сильной

позиции. То же самое относится и к классификации слогов. Абстрактная схема принятия решения об акцентном статусе той или иной ритмообразующей единицы может выглядеть так:

+ → + + → БС-слово/М-слог
W S W

+ - → ПС-слово/ПМ-слог
S W

- → - - → БНС-слово/Н-слог
S S W

7 Выводы

Итак, мы рассмотрели возможность оценки различных ритмических единиц с учетом их языкового потенциала (словаря), речевой реализации (текста) и метрических условий. Такой поуровневый анализ является принципиально новым подходом в оценке категориального статуса акцентных единиц. В целом, получается, что при решении вопроса об отнесении ритмического слова или ударения к тому или иному классу метрический уровень является определяющим. Тем не менее, решение по поводу акцентного статуса принимается на каждом уровне отдельно, а также относительно другого, например, более высокого или более низкого уровня. При этом условно 'низким', базовым уровнем является словарь, метр рассматривается в данной 'иерархии' как наиболее 'высокий' уровень.

В целом, такой подход с учетом выделяющих условий каждого уровня важен потому, что он позволяет сократить количество изучаемых случаев. Например, если на базовом уровне слово отнесено к одному из классов, допускающих переход в другой, то на следующем уровне достаточно лишь рассмотреть, попадает ли это слово в условия, признанные выделяющими (дистактность, эллипсис, логическое ударение или S-позиция). При этом уже не нужно специально в каждом конкретном случае решать вопрос о ритмическом статусе данного слова.

Предложенная классификация, очевидно, может быть использована не только в стиховедческих, но и в лингвистических исследованиях. Она позволила бы существенно упростить и уточнить отбор акцентных единиц для того или иного ритмического класса. Эта классификация является попыткой сведения различных случаев ритмической реализации тех или иных акцентных структур к трем основным классам: 'плюс-плюс', 'плюс-минус' и 'минус-минус'. Проведенные нами исследования показывают, что в целом данная классификация применима для разных языков, в той или иной мере практикующих силлабо-тоническое стихосложение. В частности, мы проводили эксперименты на материале английского, нидерландского, немецкого, русского, украинского и белорусского стиха и прозы и пришли к выводу, что эти правила работают на данном материале. В реальном метрическом контексте акцентные единицы 'среднего класса' (+ -) поднимаются или на ступень выше, переходя в класс '+ +', или спускаются на ступень ниже и становятся единицами класса '- -'. Таким образом, благодаря применению этой системы правил при анализе текста, в разных языках все ритмообразующие единицы в той или иной степени можно свести к бинарной оппозиции: самостоятельные/несамостоятельные; ударные/безударные; маркированные/немаркированные ('плюс' или 'минус').

Несмотря на допущенное огрубление реальных акцентных отношений, этот подход позволяет существенно упростить сравнительное изучение стихотворной ритмики на разных языках, использующих аналогичную систему стихосложения. Разумеется, что ритмическая интерпретация тех или иных акцентных структур может зависеть от жанровой, стилистической или декламационной установки. Поэтому при применении наших правил необходимо учитывать специфику реализации ритмических единиц в тех или иных типах текстов, например, в песенных или драматических жанрах, когда решающую роль при акцентуации слова может играть мелодия или способ декламации. Тем не менее важно, чтобы в сравнительном анализе использовались одни и те же правила оценки, применяемые к одним и тем же типам просодических единиц и одним и тем же типам текстов.

В целом, можно сказать, что предложенные здесь правила акцентной интерпретации ритмообразующих элементов стиха и прозы, очевидно, не только справедливы для целого ряда языков, что позволяет говорить об универсальности этих правил, но и могут быть положены в основу такой развивающейся области стиховедения, как сравнительная ритмика.

Источники

- Астапенко, Д. Е. (2005). *Высокі дом, щчаслівы дом ... В Скрыжзали пам'яці у трох книгах. Книга першая*. Мінск.
- Григорьев, А. А. (1846). *Встреча*. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>.
- Жданов, И. Ф. (1978–1991). *Крещение*. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>.
- Котляревский, И. П. (1948). *Енеїда*. Київ.
- Кривулин, В. Б. (1993–1994). *Русское возрождение*. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>.
- Луговской, В. А. (1943–1945). *Когда я был зеленым лопухом ...* Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>.
- Пушкин, А. С. (1977). Медный Всадник. Петербургская повесть. 1833. В А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в десяти томах* (изд. 4-ое). Том 4: *Поэмы. Сказки* (с. 273–287). Ленинград.
- Пушкин, А. С. (1978). Евгений Онегин. В А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в десяти томах* (изд. 4-ое). Том 5: *Евгений Онегин. Драматические произведения* (с. 7–184). Ленинград.
- Самойлов, Д. (1973). *Пятеро*. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>.
- Becker, H.-A. (1741). *Als die Alledurchlauchtigste, Grossmächtigste Kayserin und Grosse Frau Elisabetha Petrowna Kayserin und Selbshalterin aller Reussen, den 18. December 1741. Höchst-Dero Glückseeligen Geburths-Tag, unter frohlockenden Zuruff aller getreuen Unterthanen in erwünschtem Hohergehen zurücklegte*. St. Petersburg: Akademie der Wissenschaft. A1.
- Donne, J. (1971). Upon Mr. Thomas Coryat's crudities. In J. Donne, *The Complete English Poems*. London.
- Gottsched, J.-Ch. (1968). Auf den Todesfall Sr. Durchl. des Prinzen Eugens von Savoyen. 1736. In J. Ch. Gottsched, *Ausgewählte Werke. Erster Band. Gedichte und Gedichtübertragungen* (pp. 153–164). Berlin.
- Günther, J.-Ch. (1934). Sendschreiben an Herrn Johann Gottfried Hahn in Leipzig. Den 21. Jul. A. 1714. In J.-Ch. Günther, *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Gesamtausgabe herausgegeben von Wilhelm Krämer. Band 3: Freundschaftsgedichte und -briefe in zeitlicher Folge* (pp. 16–19). Leipzig.
- Günther, J.-Ch. (1935). Auf den zwischen ihre Kayserliche Majestät und der Pforte An. 1718. geschlossenen Frieden. In J.-Ch. Günther, *Sämtliche Werke. Historisch-kritische Gesamtausgabe herausgegeben von Wilhelm Krämer. Band IV: Lob und Strafschriften in zeitlicher Folge* (pp. 129–143). Leipzig.
- Opitz, M. (1624). Danielis Heinsij Hymnus oder Lobgesang Bacchi. In *Martini Opicii. Teutsche Pöemata und Aristarchus. Wieder die Verachtung Teutscher Sprach, Item Verteutschung Danielis Heinsij Lobgesangs Iesu Christi, und Hymni in Bachum* (pp. 143–160). Straßburg.
- Vondel, J. (1929). Zegezang ter Eere van Frederik Henrik, Boschdwinger, Wezelwinner, Prince van Oranje. In *De werken van Vondel. Deel 3*. Amsterdam.

Литература

- Гаспаров, М. Л. (1974). *Современный русский стих. Метрика и ритмика*. Москва.
- Жирмунский, В. М. (1975). *Теория стиха*. Ленинград.
- Зализняк, А. А. (2010). *Труды по акцентологии* (Том 1). Москва.
- Златоустова, Л. В. (1956). Фонетическая природа русского словесного ударения. *Ученые записки Казанского государственного университета*, 116(11), 3–38.
- Златоустова, Л. В. (1985). Роль фразовых акцентов в организации звучащего стиха. В Л. И. Тимофеев (ред.), *Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития* (с. 49–60). Москва.
- Казарцев, Е. В. (2017). *Сравнительное стиховедение. Метрика и ритмика*. Санкт-Петербург.
- Колмогоров, А. Н., & Прохоров, А. В. (1985). Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики классического русского стиха. В Л. И. Тимофеев (ред.), *Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития* (с. 113–134). Москва.
- Красноперова, М. А., & Казарцев, Е. В. (2001). Ритмическая интерпретация текста во взаимодействии традиций. В Н. Н. Казанский, *Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского* (с. 310–316). Санкт-Петербург.
- Лефельдт, В. (2010). *Акцент и ударение в русском языке* (изд. 2-е, испр. и дополн.). Москва.
- Пушкин, А. С. (1960). *Собрание сочинений в 10 томах* (Т. 5). Москва.
- Bailey, J. (1979). The Russian linguistic-statistical method for studying poetic rhythm: A review article. *The Slavic and East European Journal*, 23(2), 251–261.
- Bolinger, D. (1965). *Forms of English. Accent, morpheme, order*. Cambridge.
- Kasartsev, E. V. (2002). Die Anwendung linguistischer Statistik bei der Analyse des deutschen Verses. In Ch. Küper (Ed.), *Meter, rhythm and performance—Metrum, Rhythmus, Performanz* (Linguistik International, 6, pp. 413–424). Frankfurt, Berlin.
- Kazartsev, E. (2016). Quantitative und vergleichende Versforschung – Ausweg aus der Krise? *Jahrbuch für internationale Germanistik*, XLVIII(1), 53–72.
- Moritz, K.-Ph. (1786). *Versuch einer deutschen Prosodie*. Berlin.
- Paul, O. (1930). *Deutsche Metrik*. München.
- Saran, F. (1907). *Deutsche Verslehre* (Handbuch des deutschen Unterrichts an höheren Schulen, 3). München.
- Sievers, E. (1912). *Rhythmisch-melodische Studien. Vorträge und Aufsätze* (Germanische Bibliothek. Zweite Abteilung. Untersuchungen und Texte, 5). Heidelberg.